

теория истории

БК представляет своего нового автора — Павла Уварова, доктора исторических наук, профессора Челябинского педуниверситета, который знакомит читателя с предметом, ставшим для него главным занятием в жизни. И называется эта научная дисциплина — Теория истории.

Любая наука, прежде всего, должна отвечать на вопрос: «Зачем она? Для чего она?» Нужна ли она людям — или это занятие для узкого круга мудрецов, сидящих в башне из слоновой кости? И история, как наука, находится здесь, мягко говоря, в драматическом, даже трагическом положении.

Прагматичность любой из точных наук вполне очевидна. Плоды этих наук хорошо видны даже в самом простом, повседневном контексте. С «историей» гораздо более сложная история — и тавтология здесь нарочитая и намеренная. Даже историки на сакраментальный вопрос: «А зачем нам знать что-то о прошлом?» — ускользают от прямого ответа, либо оказываются в легком замешательстве. Мол, это все для общего развития, для того, чтобы быть культурным!

Но такие паллиативные ответы слабо удовлетворяют пытливого вопрошающего. Есть и другая более удачная сентенция: история — это знание, это накопление опыта человечества во времени. В рамках обычной жизни мы прекрасно понимаем, что опыт может быть весьма полезен, но есть момент, несколько умеряющий восторг по поводу того, что история является наукой, «накапливающей опыт». Дело в том, что разговор об опыте актуален только тогда, когда мы отчетливо представляем себе такую категорию как смысл. А представьте себе: если существование человека во времени бессмысленно — то зачем человеку накапливать опыт? Сколько ни накопи — бессмыслица останется бессмыслицей. Поэтому вопрос о смысле истории сами историки очень не любят и зачастую адресуют его философам — пускай, мол, философы разбираются! Хотя это очень странная позиция. История сама по себе чуть более древнее предприятие, чем философия. Передоверять кому-то представление о смысле, а самому собирать голые факты — не очень почтенное занятие для исследователя. И чтобы выяснить, почему в истории все настолько сложно, хоть она и состоит из, казалось бы, достаточно простых компонентов — отправимся в ту эпоху, в которой история сложилась в полном смысле слова как академическая дисциплина, сложилась институционально.

Это, приблизительно, первая половина XIX века. Деятели, которые закладывали тогда историческую науку в Западной Европе, находились в весьма выгодном положении и воспользовались им в полной мере. Они по умолчанию считали, что образцовая история, эталонное челове-

ческое существование есть именно то существование, которое вел западноевропейский человек середины XIX века. Ошибка нередкая особенно в свете известного фольклорного предостережения: «По себе людей не судят!» Но в данном случае они как раз судили об истории, исходя из реалий своей определенной эпохи, с ее особенностями и пристрастиями. А все то, что не было похоже на Европу, объявлялось недоразвитостью, исключением или просто не принималось в расчет. Новоевропейский человек, сформированный в рамках конкретно-исторического контекста, получил статус вневременного, причем со всеми его мировоззренческими и поведенческими особенностями, и таковым был спроецирован в прошлое. Поэтому, если речь заходила о древних римлянах, древних китайцах или древних индийцах, то они представлялись переодетыми европейцами XIX века, если подходить к ним системно.

Такое несколько наивное представление о прошлом, которое было свойственно исторической науке при зарождении, очень многое испортило. Простой пример: Карл Маркс, создавший принципиально качественный экономический текст, посвященный определенной эпохе, попытался распространить на всю историю те законы, которые он наблюдал в строящемся индустриальном западном обществе. И при рассмотрении экономики Англии он обратился, естественно, к английским колониям в Индии. Изучая азиатскую реальность, он с изумлением обнаружил, что коренная индийская экономика практически никогда не развивалась в современном, привычном для Маркса, смысле — ни в средние века, ни в древности!

Маркс был потрясен, потому, что по его теории, экономика должна все время развиваться, прогрессировать, принимать новые формы. Но в Индии он этого не обнаружил. И для того, чтобы выйти из концептуального тупика, он пошел на лукавство, которое очень часто свойственно носителям гуманитарного знания. Он придумал термин — «азиатский способ производства», который должен был означать какой-то особый, неразвивающийся способ производства. Хотя и здесь все было не так однозначно, но на некоторое время Маркс примирил свою теорию с недостатком ее фактического подтверждения.

Размышляя о политической системе, социальном устройстве и прочих сферах человеческой активности, мы замечаем, что в работах историков о прошлом, как правило, присутствует представление о социальной, политической, культурной и личной активности новоевропейского человека. Это как в голливудских фильмах, когда мы смотрим какую-то историческую картину, но видим в ней абсолютно современных по своей сути людей, только одетых в римские тоги, рыцарские латы и так далее.

Поэтому задача исторической науки заключается в том, чтобы уйти от наивного европоцентризма, навязанных норм и привычных эталонов. И опровергнуть укоренившееся мнение, что все отличное от европейского пути развития цивилизации есть всего лишь недоразвитое исключение, недостойное общественного внимания и научного познания. Однако, оказалось непросто найти теоретический механизм «как это сделать». Предпринимались разные попытки: например, попытка максимально приблизиться к предмету («микростория»), чтобы ощутить его текстуру, вкус, цвет и так далее. Но любой фотограф знает, что слишком близкое приближение к предмету съёмки чревато «зернистостью» и, одновременно, потерей того, о чем упомянуто ранее: история имеет смысл только тогда, когда она сама говорит о смыслах. Человеку не нужны рассказы о прошлом, не нагруженные никаким положительным прагматическим смыслом. Поэтому мучить людей огромным количеством дат, определений, нюансов, заставляя их «зубрить», — занятие неконструктивное, похожее на подготовку профессиональных игроков для различного рода телевикторин.

Есть и другой способ максимально приблизить историю к жизни. Это история повседневности, в которой изучаются не большие политические и социальные движения, а пространство, сформированное вокруг ежедневных, бытовых потребностей человека. К примеру, производство зонтиков в такой-то стране в таком-то веке. Это, конечно, прекрасно, но проблема системообразующего смысла опять же, по существу, игнорируется. Каждая успешная наука имеет четкое формализованное представление о своем предмете. Точным наукам проще: у них есть надежные способы формализации — математический язык и приборы, которые позволяют замерять наблюдения и защищать их результаты от индивидуальных пристрастий ученого. В истории ничего подобного нет. Ни математический язык, ни приборы в истории как науке не существуют и вряд ли когда-нибудь появятся в том смысле, в каком они существуют в точных науках. Поэтому в данном случае спасение можно обрести только

при четком представлении о предмете собственной компетенции. И вот здесь таится характерная особенность исторической науки. Это наука, которая всегда работает с человеком не только как с существом, не только как с пространством, в котором он пребывает, — но с сознанием человека, с его представлением о мире.

Превосходно высказался один из классиков методологии науки Пол Фейерабенд: «Познание не движется от наблюдения к теории, а всегда включает в себя оба элемента. Опыт возникает вместе с теоретическими допущениями, а не до них, и опыт без теории столь же невыносим, как и теория без опыта. Мы как-то странно разрываем опыт и теорию; на самом деле теория развивается не после серии опытов, а вместе с ней — они взаимодополняются».

К сожалению, в этом смысле в исторической науке проблемы есть. На мой взгляд, классики упускали представление о том, что человеческое сознание является важнейшей конституирующей стороной истории. Да, многие коллеги могут возразить: «Ну как упускали? Говорят же про историческое сознание, картины мира...» Но заметьте, что всегда эти вещи связаны с утверждениями, что историческое сознание вырабатывается условиями жизни, ландшафтом и так далее. Это всегда производная. И я настаиваю, что историческое сознание это не производное неких внешних условий, а внутренний выбор человеком того или иного предельного представления о действительности — религиозного и безрелигиозного.

Представьте себе религиозного и безрелигиозного человека — в рамках любой деятельности они действуют по-своему. В социальных отношениях, в политических, в быту — мы везде находим разные, но взаимосвязанные основания, логику и стиль поведения в рамках того или другого представления о Бытии. Если обратиться к историческому процессу с точки зрения того или иного предельного представления

человека о мире, то рамочными основаниями человеческой активности являлись, с одной стороны, существование в системе неопределенности (в силу того, что человек не инстинктивен по своей природе как муравей), и одновременно стремление к достижению определенности существования. Этот тот аспект, куда укладываются все остальные активности человека — экономические, политические, социальные. И пока человечество предложило только два способа стремления к определенности: религиозный и безрелигиозный.

Представим некое бесконечное пространство. Простой вопрос: как его сделать конечным и исчислимым? В выбранном пространстве нужно поставить точку, которая никогда бы не меняла своего места. Как только определена неизменная точка — пространство становится исчислимым. Таким образом, можно понять, чем была религия для древних людей. Она была именно точкой, вокруг которой пространство становилось исчислимым. Кстати, интерес к определению «центра» мира свойственен практически любой цивилизации, даже той, которую принято было считать крайне примитивной. Очень интересный пример — австралийские аборигены до сих пор ведут образ жизни собирателей и кочевников, они, как правило, носят с собой священный шест, который вбивают в землю там, где оседают на время. Он и становится для них центром. Невозможно жить без центра, без точки опоры.

Это самое место и занимала в религиозных обществах религия. В зависимости от центра можно отложить в пространстве и квалифицировать любое проявление человека или явление жизни. Это очень надежный аспект, причем религия преодолевает неопределенность не за счет того, что она все знает о мире в инвентаризационно-феноменологическом смысле, а именно в том, что она четко указывает на главное и второстепенное; на то, что важно, менее важно и то, что неважно вообще. В каждой возможной ситуации, и в каждом возможном формате.

Современное общество, которое, фактически преодолевая религиозный центризм, оформилось в Европе к XIX веку, пообещало, что даст людям определенность за счет развития научного зна-

ния. Якобы наука соберет мир по кусочкам как пазл, достигнет ситуации определенности, в которой человеку будет комфортно, позитивно и прогрессивно. Но не был учтен один очень важный момент: информации о мире бесконечное множество — и значит, собирать пазл наука будет вечно. И, во-вторых, любой неглупый человек понимает, что информация может не только уменьшать неопределенность, но и вносить ее. Можно привести тысячу примеров из жизни, когда новая информация обескуражила человека и разрушила его представления о мире. Иногда квант новой информации может разрушить тщательно выстроенную кирпичную стену, если мы выдернем нижний кирпичик. Этот аспект указывает на то, что наука может инвентаризировать мир, может расставлять номера: вот первый, вот второй кусочек... Но работать с этим миром на уровне смыслов она не способна. Если человек едет не на телеге, а на Мерседесе — то это не значит, что смысл жизни для него более ясен. Он просто едет быстрее и комфортнее.

В рамках нового подхода к миру ученым осталось лишь рассказывать истории о прошлом, подстраивая их под логику, которую заложил в образе «исторического процесса» европейский человек середины XIX века. Со всеми возможными плюсами, но и со всеми существенными минусами такими, как атомизация человеческой жизни; распад солидарности, жесткие законы конфронтации; потеря качественных ориентиров в жизни. Тем не менее, Ф. Фукуяма, говоря о «конце истории», предавал этому слогану исключительно оптимистический смысл. Но оказалось, что история не закончилась. Что проблемы никуда не ушли с победой либеральной модели развития человечества, а в каком-то смысле даже и более обострились. Мы живем в мире, где бедные люди надеются на то, что они несчастливы, потому что они бедные, — богатым уже не на что надеяться.

Историческая наука сейчас находится на распутье. Надо или начинать работу со смыслами, не передоверяя это философам, которые, как правило, в основном уходят в вопрос личного восприятия мира, либо продолжать унылый, тупиковый путь бесконечных рассказов, бессмысленных чередований цветных комиксов о прошлом, теряя социальную

привлекательность, теряя нужность. Историки жалуются, что им мало платят, что общество их не любит — хочется сказать: станьте интересными, дайте продукт, который поможет обществу, государству!

Ведь если вспомнить историю Европы и упомянутого выше XIX века — европейская интеллигенция очень быстро одернула буржуазию, которая считала, что после крушения Бога и короля интеллигенция им больше не особенно нужна. Интеллигенция внятно «объяснила» народу идеи «свободы» в ходе европейских революций 1830 и 1848 годов, Парижской коммуны. И в итоге буржуазии пришлось делиться с интеллигенцией. Я вовсе не призываю интеллигенцию так радикально действовать, но если она хочет быть нужной — ей придется становиться производителем реального экспертного знания. Сказочники никому не нужны в наше жесткое и циничное время. Это должен быть не просто «интересный» продукт, а то, что действительно помогает понимать жизнь. Подобный труд всегда будет востребован, а гуманитарии упускают шансы усиливать свое присутствие в обществе. Люди никогда не будут равнодушны к тому, кто объяснит им, как устроена реальная жизнь, почему происходят те или иные процессы, причем, не на уровне сложных слов, а простых, понятных, но точных и хорошо фундаментированных. Нынешние студенты, молодые историки в принципе могут свой шанс реализовать, а могут и упустить. Историкам надо перестать идти в хвосте идеологии — ведь идеология это всегда вещь упрощенная, примитивная, она никогда не бывает глубокой, это всего лишь эрзац для того, чтобы «склеить» общество, в котором абсолютно не прослеживается Центр и Смысл.

Например, наши историки практически не изучали опыт, связанный с преодолением вооруженного радикализма и внутренней социальной дестабилизации. В советское время этого нельзя было делать. Тогда не могла появиться внеидеологическая диссертация о том, как подавляли движение Емельяна

Пугачева. Огромный опыт преодоления жестко-негативных социальных процессов у нас вообще не исследован и не затрагивался историками. И когда мы оказываемся в сходных ситуациях, к примеру, на Северном Кавказе — мы не знаем, что делать. У нас просто нет такого экспертного опыта.

В отечественной истории по идеологическим причинам выпадают целые эпохи. Вспомним правление Николая I — эпоху блистательную, но совершенно недооцененную. А ведь именно Николай I создал русские университеты и русскую науку по-настоящему, хотя формально они появились ранее. И этот труд высоко оценили в своей монографии американские историки Ц. Х. Виттекер и У. М. Тодд! А какие важные слова в свое время высказал проклинаемый всеми «прихвостень» Николая I фельдмаршал И. Ф. Паскевич! Когда русские войска, добывая Наполеона, продвигались по Франции, Паскевич никогда не давал своим солдатам голодать, даже силой забирая у французских крестьян провиант, если они отказывались его продавать. Фельдмаршала укоряли: «Как же так? Ведь это просвещенная Франция! Так поступать дурно! С французами надобно обходиться бережнее!» Паскевич отрезал: «Беречь чужую землю — хорошее дело, а своих солдат — святое». Вот слова и смыслы, должны быть руководством для современных офицеров...

У современных историков безмерно много насущной работы — но, к сожалению, всем очевидно их топтание на одном месте. Гуманитарная наука развивается скверно. Не создается продуктов, концепций, которые стали бы интересны миру и были бы полезны самим гуманитариям. Мы до сих пор пережевываем то, что было создано во второй половине XX века на Западе. У нас нет оригинальных концептуальных проработок, из которых не вылезали бы уши Делёза, Лакана, Фуко, школы «Анналов». А ведь пылливый и честный современный историк может стать человеком XXI века, когда коммуникативное пространство предельно усложняется с каждым мгновением. Для этого требуется инициатива, мужество, умение идти против течения, рисковать, исполняя свои экспертные обязанности, несмотря на давление идеологии, модных трендов и корпоративной солидарности. И грешно бояться первого же шика со стороны тех, кто не в курсе... **БК**